

Не научный отзыв

М. А. Перепёлкин

Дорогой Сергей Сергеевич!

Постите, что заставил Вас напоминать мне о задуманном семинаре и о моём обещании дать отзыв о романе Вашего коллеги и учителя, — дело в том, что обещания даются легко, а браться за чтение романа — признаюсь — мне было несколько страшновато. А что, если он разочарует меня, покажется слабым или вторичным, — смогу ли я сказать об этом прямо и без обиняков? Ведь как мы знаем и привыкли думать, для настоящего произведения мало быть написанным, — нужно суметь прорваться к своему читателю, не остаться среди «неопубликованного». Таким — прорвавшимся — произведениям верить как-то проще, даже если они в результате этого и не заслуживают. Но вот я решился, прочёл роман и могу, наконец, поделиться впечатлениями.

Разумеется, главный вопрос, который стоит перед читателем произведения, не знакомым с творчеством того, кто его написал, — а «был ли мальчик»? Роман ли это? Или — может быть — шутка, пастиш, розыгрыш, придуманный, например, Сергеем Шауловым-младшим и выдаваемый за чьё-то «неопубликованное» заветное? Есть ли в нём что-то, над чем стоит задуматься читателю? Что-то такое, что приводит в действие его, читательскую, мысль и чувство? Очевидно, что от ответа на этот вопрос зависит и всё последующее. И этот ответ я нашёл — не сразу, но нашёл. Да, есть. Есть и герой, и сюжет, и драма, и — не одна. Но этого героя надо искать всё-таки не среди персонажей романа, и сюжет его — не их, персонажей, действия и поступки. Главный герой романа «Звезда и совесть» — это его автор, медленно, с большими трудностями и невероятными усилиями вчитывающийся в евангельскую историю, продирающийся к тому, что за буквой, переоткрывающий её для себя и для своего читателя. Евангелие написано на века, но это «на века» будет только в том случае, если каждый, кто встанет перед евангельским словом, прорывается через мертвящее спокойствие написанных страниц и ощущает на своём собственном колене рану от когтей льва. Вот это и делает автор романа, «перечитывающий» Евангелие и открывающий, что многое из того, что кажется чудесным на самом деле — никакое не чудо, а «горящее бревно на мели», настоящее же чудо — совсем в другом, но найти его должен ты сам. «... Мир есть космос (порядок), но устройство его длится и ныне», — говорит автор «Звезды и совести», — и пусть читатель не думает, что, если он знаком с Евангелием, он всё знает: вся наша жизнь и есть это самое чтение-приближение-удаление-забывание-отталкивание евангельской истории. И именно это, с моей точки зрения, и есть главный сюжет романа Р. Г. Назирова.

«Учёная» ли это проза? Или какая-то ещё? Не знаю. Возможно, это так и есть. Но в любом случае мне как-то теплее жить и думать о мире, зная, что на протяжении долгих

месяцев (лет? десятилетий?) человек, который мог бы заниматься какими-то вполне конформистскими делами, приносящими результаты в том или ином эквиваленте, писал эту мужественную прозу. Может быть, сам факт этой прозы (и подобных ей) делает «семидесятые» (?) не «грязно-глухими», как выразилась однажды Т. Бек, а глубокими и отзывающимися долгим эхо. «Но под властью татар жил Иван Калита», — сказал поэт. Прочитав роман Р. Г. Назирова, я теперь знаю, что жил такой Калита и в Уфе, и может быть именно в силу его труда и ему подобных «власть татар» и не кажется нам теперь крошечной.

Печатать ли роман? На этот вопрос я, естественно, отвечать не могу и не буду. Да и не нуждается он в этом моём ответе: если роману это необходимо, и если его время действительно пришло, он будет напечатан во что бы то ни стало. Единственное, что могу сказать я: публикаторов не должна ни в коем случае останавливать «фрагментарность» и неоконченность. Такие романы и должны быть фрагментарными и неоконченными, это — их дыхание и их природа. Окончание было бы лживым приспособлением к литературности, вызванным стремлением поставить точку любой ценой.

И последнее. Ещё раз хочу высказать своё восхищение ученикам Р. Г. Назирова, разбирающим его архив и думающим о судьбе его творческого наследия. Может быть, мы и становимся филологами и пишем свои диссертации, чтобы потом разбирать архивы наших учителей и говорить с ними на том самом языке, который не слышен никому кроме их, ушедших, и нас — тоскующих по их урокам?

Простите, что мой отзыв слишком не научный — наверное, писать «научный» — это всё-таки дело тех, кто знаком с предметом гораздо ближе меня. А мне просто хотелось поделиться впечатлениями.

С уважением,

Михаил Перепёлкин